

Единственное, что изменилось, — это комната, в которой они остановились. Бонита широко открыла рот, когда услышала, что может оставаться в этой комнате до конца своей жизни, и Рейна была рада, что она не открыла рот так широко. Взгляды людей на Рейну слегка изменились, но на этом все. Она по-прежнему была горничной Эстель, и теперь с ней была только Бонита. Итак... хотя что-то вокруг нее все же изменилось, повседневная жизнь Рейны осталась почти такой же.

«Венок, сделанный Рейной, самый красивый».

«Правильно, мамин самый красивый».

Дети продолжали сравнивать маленькие, мягкие венки, которые они сделали, со стильными венками, которые сделала Рейна. Поступки и мысли детей, вообще не связанных кровным родством, были настолько схожи, что для любого они выглядели разнородными близнецами. Рейна сдержала смех, пытаясь не разразиться восторгом от умиления. Казалось, она хотела, чтобы венки, которые сделала Рейна, достались обоим детям. Однако при этом, словно пытаясь уступить им, не могла не колебаться.

Они действительно были милыми детьми.

«Сделаем еще один?»

Рейна сделала вид, что не заметила, и тихо заговорила.

"Вот как?"

Эстель сказала это, и ее глаза сверкнули. Затем она подсчитала количество цветов, разбросанных по столу, и воскликнула, что, по ее мнению, их может быть недостаточно.

«Ну, тогда мы с Бонни принесём ещё цветов!»

«Спросите садовника, какие цветы вы можете собрать».

"Хм!"

Конечно, она была бы не прочь, чтобы Эстель принесла все, что пожелает, не спросив его, но если Эстель попытается сорвать розы только потому, что это красивые цветы, из-за шипов у нее будут проблемы.

Рейна ярко улыбнулась, глядя, как уходят маленькие дети, крепко держась за руки. Стоял был мирный день, как будто похищение Бониты и угрозы были ложью.

Давай сделаем что-нибудь из того, что осталось.

Цветы, к которым не прикоснулись дети, сохранились в первозданном виде, ни один лепесток не опал. Рейне ничего не оставалось, как ждать, поэтому она начала плести венок из оставшихся цветов. Когда она связывала несколько стеблей вместе, она почувствовала, что кто-то к ней подкрадывается. Рейна улыбнулась и подняла голову, думая, что дети подкрадываются, чтобы удивить ее.

"Уже пришли...."

«...»

«Ой, вы... здесь».

Однако, вопреки воображению Рейны, подошедший человек был не ребенком, а герцогом. Он смотрел на Рейну, которая сидела спиной к солнечному свету. Только тогда Рейна поднялась со своего места и поприветствовала герцога.

«Ах...»

"...Садись."

«Да-да...»

Он ничего не сказал, а Рейна попыталась избежать его взгляда и снова начала плести венки.

"Что вы делаете?"

«...Ах, я плету венки».

Герцог увидел два маленьких, неуклюжих венка рядом с изящным венком, который уже закончила Рейна.

«Эти два жалких венка вон там...»

«Сделаны молодой леди и Бонитой...»

«Если присмотреться, то они прекрасны».

«...»

Это была катастрофа.

Поскольку их скрывала крыша беседки, было трудно точно определить, что делали все трое. Герцог некоторое время смотрел на цветы, затем увидел двух детей, которые зашли в беседку и не хотели выходить, держась за руки и куда-то убегая, и задумался, что они там делают. Он не наблюдал за ними тремя весь день, он просто случайно стал свидетелем всего. Почему у беседки была такая крыша, что было непонятно, то ли они втроем плетут цветочные венки, то ли просто играют цветочными гаданиями, то ли просто разговаривают?

Оба теперь хранили молчание. Герцог был смущен изменением своего поведения минуту назад, а Рейна не могла заговорить первой, поскольку герцог все равно был ее начальником.

В конце концов, герцог заговорил первым.

«...Почему ты продолжаешь делаешь цветочные венки?»

«Ах, кажется, дети этого хотят. Я не могу отдать свой только одному ребенку».

«...»

Герцог, казалось, не понимал, что она говорит. Ему идея поделиться чем-то с кем-то казалась далекой.